

Виктория Александрова

Алиен

Виктория Александрова

Алиен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21548320

ISBN 9785448325335

Аннотация

Что делать одинокому рыцарю, выбравшему нелегкий путь самоотречения и защиты справедливости, если он столкнулся со злом, превышающим его силы? Стоит ли принять помощь новых друзей или некоего таинственного мага? Ведь любой, кто становится слишком близким, погибает или предает... Доспехи способны защитить от ран тело, но не душу. Потому так редко он поднимает забрало, потому одиночество – его удел. Но кого на самом деле скрывает броня и так ли крепка она?

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	14
5	19
6	23
7	25
8	28
9	32
10	34
11	40
12	41
13	44
14	47
15	50
16	52
17	54
18	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алиен

Виктория Александрова

© Виктория Александрова, 2016

© Александра Альбицкая, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2533-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Сумерки сгущались над лесом. Трое путников сидели вокруг костра, время от времени подбрасывая в пламя сухие ветки. Неожиданно их мирная неторопливая беседа была нарушена неким странным звуком, словно по грязи волокли тяжелое бревно. Старший из путников приложил палец к губам и тревожно огляделся. Двое других настороженно умолкли. Звук приближался, нарастая, и внезапно из кустов появилась громадная змеиная голова. Размеры чудовища превышали всякое понимание, желтые глаза, каждый величиной с блюдце, горели ненавистью, их взгляд буквально приковывал к месту, а с двух острых зубов падали капли яда, испепеляя зеленую траву.

Путники в ужасе замерли, не в силах пошевелиться, и в головах их осталась одна-единственная мысль о том, что им пришел конец.

Как вдруг, с шумом ломая ветки, на поляну вылетел огромный вороной жеребец, едва сдерживаемый сидящим на нем рыцарем в серебристых доспехах. Не проявляя и тени страха, конь, послушный воле хозяина, прыгнул прямо на монстра, топча его передними копытами, и пока тот разворачивался для ответной атаки, яркий клинок сверкнул в руке рыцаря и опустился на толстое пятнистое туловище змеи, отсекая ужасную голову. Буквально в несколько ударов

все было закончено.

Оторопевшие свидетели драмы, чуть было не ставшей последней в их жизни, не успели даже сообразить, что происходит, как их неожиданный спаситель развернул коня и растворился в сумраке приближающейся ночи. На залитой кровью поляне осталась лежать обезглавленная гигантская змея, все еще свивающая и развивающая кольца в последних конвульсиях, словно раздавленный червь.

Старший из всех троих, наконец, обрел дар речи и произнес: «Кто-нибудь успел разглядеть его?»

Белая карета с золотыми фамильными гербами быстро катила по лесной дороге. Шестерка гнедых, погоняемая кучером, шла крупной рысью.

И карета, и лошади, и кучер принадлежали прекрасной юной герцогине, спешащей на встречу с тем, кто был выбран ей в мужа.

Герцогиню предупреждали, что путь, пролегающий через лес, пользуется недоброй репутацией, но она отказалась от дополнительной охраны, ограничившись несколькими слугами, которые, однако, очень быстро покинули ее на произвол судьбы и без оглядки бросились спасать свои жизни, едва дорогу перегородила рухнувшая внезапно сосна. Человек шесть разбойников кинулись к карете, один из них схватил под уздцы лошадь, второй ударом кривой сабли свалил на землю кучера, третий уже открывал дверцу кареты, приговаривая: «О, какая славная добыча! Не желаете ли поделиться вашими драгоценностями, леди?» И пока бледная, как мел, герцогиня, отбивалась от цепких рук, в общий шум и ликующие крики разбойников добавились новые ноты, не предвещающие для последних ничего хорошего: лязг стали и боевой клич. Когда атаман отпустил вырывающуюся герцогиню и обернулся, трое его товарищей уже лежали бездыханными, сраженные неизвестным рыцарем на вороном

коне, возникшем непонятно откуда. Дрался тот мастерски: один против целой оравы, он как будто был сильнее их всех вместе взятых, и преимущество было явно на его стороне. Когда четвертый из шайки пал, попав напоследок под копыта разъяренного вороного жеребца, перед рыцарем встал атаман, криво ухмыляясь:

– Ну что, сразимся, мастер клинка?

Тот не ответил, а лишь пришпорил коня, который совершил неожиданный резкий прыжок вперед и наверняка сшиб бы атамана, если бы он не отскочил в сторону.

– Эй, так не честно! – крикнул разбойник, взмахнув саблей и успев отразить удар всадника.

– А нападать на безоружных путников – честно? – голос из-под шлема звучал глухо.

Следующий удар рыцаря едва не попал в цель, но атаман снова успел увернуться. Однако силы явно были неравны, и вот уже разбойник оказался распластанным на спине, а дрожащий, сияющий клинок уперся в его горло.

– Пощади, – прохрипел он.

Глаза сквозь прорези забрала глядели холодно и жестко.

– Я не щаю врагов, – был ответ.

Брызнула кровь. Когда рыцарь обернулся, оставшиеся в живых разбойники уже исчезли.

Из кареты, все еще бледная от пережитых волнений, выбиралась герцогиня, поправляя порванное на плече платье. Испуганные лица разбежавшихся слуг начали появляться

из-за деревьев.

Брезгливо обойдя распростертое тело атамана, герцогиня приблизилась к своему спасителю.

– Как ваше имя, отважный рыцарь?

– Алиен, – ответил тот, даже не подняв забрала.

– Не знаю, как вас и отблагодарить, – произнесла герцогиня слегка смущенно. – Видите ли, я направлялась к своему нареченному, и тут это все произошло, и если бы не вы... Ах, я не представляю, чем бы могла закончиться моя поездка.

– Сударыня, вам не следовало отправляться в путь, захватив в качестве охраны только этих дармоедов, – рыцарь кивнул в сторону приближающихся в самых раболепных позах слуг, – дороги нынче опасны.

– Да, это было опрометчиво с моей стороны. Если бы не ваше вмешательство... – герцогиня очаровательно склонила головку. – Ваша храбрость заслуживает награды. Что бы вы хотели получить?

– Что вам самой будет угодно дать мне, сударыня.

Возможно, герцогиня ожидала иного ответа. Во всяком случае, несколько секунд она пребывала в замешательстве. Вся эта история выглядела так романтично! И если бы она не торопилась так к ожидавшему ее жениху... Но... Обстоятельства были сильнее ее. Со вздохом герцогиня сняла рубиновый браслет с левой руки и протянула рыцарю.

– Благодарю вас, – Алиен склонился в седле, принимая подарок, —

– Будьте осторожней!

И черный, как смоль, конь унес его прочь.

Герцогиня еще какое-то время смотрела ему вслед, затем произнесла, обращаясь к стоящей рядом камеристке:

– Он был великолепен. Хотя и слишком жесток, – носком туфли она потыкала в бок мертвого разбойника. – Но, впрочем, тебе не показалось, что учтивостью он не отличался? Не поднял забрала, не сошел с коня, разговаривая с дамой...

К счастью для ее самолюбия, она не могла видеть скрытую шлемом насмешливую, почти издевательскую улыбку рыцаря в то время, как пыталась очаровать его своими кокетливыми уловками...

Он дрался отчаянно и насмерть, но врагов было слишком много. Отважный до безрассудства, он не привык отступать. Меч потемнел от чужой крови, но и рана на плече уже давала о себе знать. Все происходящее виделось уже словно сквозь какую-то пелену, а рука продолжала рубить, почти утратив чувствительность, кромсая кольчуги, шлемы, доспехи... Он смертельно устал и понимал, что битва близится к концу – его последняя битва.

Что скажет она, когда услышит весть о его гибели из чужих уст? Прольется ли о нем хоть несколько слезинок из прекрасных глаз, которые он больше не увидит?

И сладостный образ на миг предстал перед ним, словно наяву.

Внезапно чей-то удар, подлый, предательский, поразил его в незащищенную спину. Рыцарь вскрикнул, падая на колени, и тут увидел неожиданную подмогу, которая появилась все-таки слишком поздно: в самую толпу окружавших его врагов врезался всадник на вороном коне, с такой скоростью работая мечом, что вокруг него вскоре образовалось свободное пространство. Цвета его и герб были незнакомы: на белом щите красовались черные лилии. Противники его буквально по несколько сразу падали под копыта яростно храпящего жеребца, который помогал хозяину и зубами, и но-

гами. И весь этот разящий сгусток ненависти сумел внушить такой ужас врагам, что уцелевшие поспешили покинуть поле боя, бросив на произвол судьбы раненых и умирающих, которых оказалось невероятно много. И это совершил один человек!

Рыцарь, лежащий на спине, глядел на незнакомую приближающуюся фигуру; зрение уже почти отказывалось служить ему, и он едва мог различить очертания склонившейся над ним головы в высоком шлеме. Теплая кровь, казалось, залила всю траву вокруг и все же продолжала пульсирующими толчками вытекать из раны. Холод постепенно охватывал все тело, сантиметр за сантиметром, медленно, но верно приближаясь к сердцу. Невероятная тоска внезапно охватила душу.

Рыцарь с трудом разлепил не повинующиеся ему губы и прошептал:

– Кто ты? Я не знаю тебя.

Тут же фляга с водой оказалась возле его лица, и прохладная жидкость полилась по саднящему горлу.

– Меня зовут Алиен. Не надо сейчас говорить. Отдохни.

– Я скоро буду отдыхать вечно, – кривая болезненная усмешка появилась на лице рыцаря. – Мне осталось совсем немного. Скажи, кто ты, и можно ли доверять тебе? Почему ты выступил в бою на моей стороне? Я не знал тебя прежде.

– Все просто. Их было много – ты один. Только подонки и трусы могут действовать подобным образом, нападая

на более слабого. Я не мог не вмешаться, друг.

Умиравший застонал, борясь с застилающим глаза мраком, потом вновь пересилил себя и произнес:

– Ты назвал меня другом, хоть мы с тобой незнакомы. У меня есть последняя просьба...

Алиен склонился еще ниже к нему, чтобы не пропустить ни слова.

– Передай... Передай леди Катарине де Лиу перстень, что у меня на левой руке... И еще... Скажи ей, что я умер с ее именем на устах...

– Я все сделаю, как ты просишь. Не волнуйся, – неожиданно мягко незнакомый рыцарь коснулся груди умирающего.

– Клянешься?

– Клянусь.

– Жаль, я не знал тебя при жизни...

Новый болезненный стон, вновь фляга у его рта, но в этот раз губы остаются неподвижны, а глаза смотрят в пустоту.

Рыцарь в светлых доспехах становится на колени и осторожно, почти нежно прикрывает веки погибшего.

– Ты был храбрым воином, – произносит он, а затем аккуратно снимает перстень с неподвижной левой руки и сжимает в ладони. – Я все сделаю, как ты хотел. Спи спокойно.

Вороной конь медленно шагал, вытянув шею. Длинный повод почти выскальзывал из усталой руки в перчатке. Жители деревни торопливо уступали дорогу незнакомому рыцарю, чей щит украшали черные лилии. Как вдруг отчаянный крик вырвал всадника из полудремотного состояния. Под ноги жеребцу метнулась женщина, одетая в лохмотья:

– Помогите, господин! Защитите! Они увозят мою девочку, моего ребенка!

– Что случилось? – рыцарь резко натянул поводья, останавливая коня.

– Сборщики податей, – всхлипнула женщина, —

– Я сказала им, что у нас больше не осталось ничего, что последние неурожайные годы почти лишили нас пищи, что я не могу внести ни копейки, а они ответили, что если я не заплачу через месяц, то они вернутся и сожгут мою хижину, а один из них забрал мою девочку. Ей всего четыре! Зачем им ребенок?! Помогите, господин!

– Куда они поехали?

– Прямо по этой дороге. Вы успеете нагнать их, еще не прошло и десяти минут.

Жеребец, пришпоренный всадником, рванул с места. Вскоре впереди на дороге показались две фигуры верхом, одетые королевскими сборщиками податей. Через седло од-

ного из них был перекинут плачущий и вырывающийся ребенок.

– А ну, остановитесь!

На этот окрик оба удивленно обернулись, и тот, что был впереди, произнес:

– Ты кто такой, чтобы указывать королевским служащим, что им делать?

– Меня зовут Алиен. А вы отпустите ребенка, пока не случилось с вами чего-нибудь плохого.

– Ничего себе! – воскликнул один из них, бородатый, обращаясь ко второму, тому, что держал ребенка, —

– Смотри, какой-то безродный бродячий рыцарь смеет нам угрожать!

Оба захохотали.

– Между прочим, почтенный, мы находимся на службе и исполняем волю самого короля. Так что ехал бы ты себе дальше и не злил нас.

– Похищение детей тоже входит в королевскую волю? – саркастически поинтересовался Алиен, и не думая съезжать с их пути.

– Мы тебя предупреждали! – воскликнул бородатый, хватывая меч из ножен.

Рыцарь обнажил клинок секундой раньше. Завязалась ожесточенная, но короткая битва, в конце которой сборщик податей остался неподвижно лежать на земле. Его товарищ уже отпустил ребенка и, развернув коня, поспешил ретиро-

ваться. Но не тут-то было: в несколько прыжков вороной настиг его, и Алиен одним взмахом отсек ему голову, не дожидаясь даже, пока он обернется. Испуганный конь убитого помчал прочь, волоча за собой обезглавленное тело, застрявшее ногой в стремени.

А рыцарь подъехал к маленькой девочке, сидящей на обочине и испуганно плачущей, спешился и осторожно взял ее на руки, приговаривая: «Ну, не бойся, не бойся, все уже закончилось. Сейчас мы вернемся к маме». Ребенок прятал лицо, размазывая слезы грязными кулачками, и все его худое тельце вздрагивало от рыданий.

«Не плачь, крошка, все у нас будет хорошо», – Алиен бережно прижимал ее к груди, идя по дороге. Вороной жеребец смирно шел следом, словно большой пес.

К ним с плачем уже бежала мать. Она подхватила девочку на руки, и слезы у обеих потекли еще сильнее.

Рыцарь терпеливо ждал в стороне, пока те немного успокоятся. Женщина, наконец, вспомнила о его присутствии и опять бросилась ему в ноги:

– Спасибо, господин! Ты спас мое дитя! А мне нечем даже расплатиться с тобой!

– Мне ничего не надо от вас, – ответил Алиен, поворачиваясь, чтобы уйти.

– Но может, господин согласится хотя бы разделить с нами наш скромный ужин и наш кров, оставшись на ночлег?

Рыцарь на секунду остановился в нерешительности, а за-

тем кивнул:

– Да, конечно. Я не откажусь от вашего гостеприимства. Кстати, скажите, есть ли у вас вода? Мне хотелось бы смыть дорожную пыль, если вы не возражаете.

– О, воды у нас целый колодец! – женщина впервые улыбнулась, и Алиен увидел, какая у нее светлая, приветливая улыбка, сразу преобразившая измученное лицо. – Идемте со мной, господин рыцарь.

На секунду, что-то вспомнив, она испуганно остановилась:

– А если они вернутся?

– Они уже не вернутся, – произнес Алиен, —

– Никогда.

Женщина слегка вздрогнула, услышав его бесстрастный ответ, и не найдя, что сказать, махнула рукой, приглашая следовать за собой в маленький узкий дворик, обнесенный покосившимся частоколом.

– Вот здесь вы можете привязать вашего коня.

– Благодарю. Но он никуда не уйдет без меня. Его не нужно привязывать.

– Надо же! – удивилась женщина, с уважением взглянув на великолепное животное, —

– А с виду такой своенравный. Как его зовут?

– Скай, – ответил рыцарь, потрепав коня по холке и снимая уздечку.

– Простите, – всполошено хлопнула в ладони хозяйка, —

– Я совсем забыла спросить о вашем имени, господин!

– Знаете, не надо обращаться ко мне: «господин». Зовите меня просто: Алиен.

– Если таково будет ваше желание, – поклонилась женщина.

Рыцарь вошел вслед за ней под низкий навес.

– Ну, вот, здесь вы сможете умыться, а я, пожалуй, пойду, не буду вам мешать.

– Да вы и не мешаете вовсе, – Алиен снял с головы шлем.

Хозяйка взглянула на гостя и едва не вскрикнула, прижав ладони ко рту: длинные, светлые, выгоревшие на солнце волосы, серьезные серые глаза под изогнутыми ресницами, нежный алый рот...

– Господин... Вы... женщина?!

– Об этом необязательно кому-нибудь говорить, – кивнула гостя с улыбкой.

Они сидели за столом при свете маленького тусклого огарка сальной свечи. Хижина, действительно, была очень бедной, и ужин состоял из соевой похлебки и куса зачерствелого хлеба.

– Уж не обессудьте, – в который раз извинялась хозяйка, – мы небогато живем, как видите.

Обращаясь к госте, она постоянно чувствовала некое смущение, не зная, как себя с ней держать, и все еще изумленная неожиданным превращением грозного рыцаря в высокую светловолосую девушку. Это правда, она не была похожа на женщин из их селенья, да и на знатную даму походила и того меньше: движения немного резкие и порывистые, взгляд прямой и уверенный, как у мужчины, просторная серая льняная одежда едва обрисовывала фигуру, стройную, надо сказать, но гораздо более мускулистую, чем могла бы быть у женщины, и разворот плеч, казалось, чуть шире, чем положено по канонам девичьей красоты.

Алиен заметила, что ее разглядывают, но ничуть не смущалась.

– Скажи, Мариетта, – так звали хозяйку – большая ли у тебя семья, – поинтересовалась она, запивая сухую горбушку кислым квасом из ковша.

– Нет, – ответила та. – Муж уже год, как помер. Остались

мы вдвоем с дочкой. Без него совсем худо стало. Что может бедная, одинокая женщина?

– Мне жаль, – кивнула Алиен.

– Даже заступиться некому, – продолжала Мариетта. – Если бы не вы, господин... госпожа, – она опять осеклась, смутилась. – Простите мою неловкость, но было так неожиданно увидеть вас... ваше лицо, когда вы сняли шлем, – она покраснела, запнулась и замолчала совсем.

– Ничего. Все в порядке, – гостья коснулась ее руки. – Благодарю за ужин. Бедные люди бывают, на самом деле, гораздо более щедры, чем богачи. Ведь вы поделились со мной последним.

Мариетта, казалось, была тронута такими словами. Она проводила девушку к старой лежанке, освещая путь догоравшей свечой. Осмелев немного, даже решилась задать ей вопрос, который с самого начала так и вертелся на языке:

– Простите мое любопытство, но как получилось, что вы... – рыцарь?

– Так сложилась судьба, – видно было, что Алиен не расположена углубляться в эту тему.

– И вы... ни о чем не жалеете?.. То есть, я хотела сказать, вы всем довольны?

– Да не о чем жалеть. Мне нравится моя жизнь, и я свободна.

– Это так необычно... Я имею в виду, для женщины...

– Женщины тоже имеют право на счастье и на свободу,

разве не так? Что хорошего в постоянном сидении за шитьем да за прялкой, в вечном ожидании, пока другие будут решать за тебя твою судьбу: сперва отец, затем муж... Почему нас постоянно низводят до покорного домашнего существа? Разве мы лишены разума, словно коровы или овцы?

Мариетта лишь покачала головой, слушая столь странную речь. Гостья выглядела очень необычно, но еще необычней звучали ее слова. Да полно, мало ли в мире безумцев, всяких пророков и божьих странников! Чему же тут удивляться? Кто бы ни была эта незнакомка, она найдет пищу и приют в этом доме, а остальное – ее дело.

Всю ночь Мариетта ворочалась с боку на бок: тревожные и непривычные мысли теснились в ее голове. То ей мнилось, что гостья ее – сбежавшая преступница, то она вдруг обрела черты спустившейся с небес богини. Полумужчина-полуженщина – кем она была на самом деле? Лишь под утро Мариетту сморил, наконец, долгожданный сон. Но – казалось – едва она сомкнула глаза, как голос проснувшейся дочки уже разбудил ее. Опять надо было вставать, встречая новое утро все с теми же мыслями: где раздобыть хоть немного пищи, пусть не для себя, для ребенка хотя бы... Может, снова попытать счастья, попросившись на работу к одному богатому человеку, что живет в соседней деревне?... В прошлый раз он и слушать ее не стал, собаку хотел спустить. Но, может, сегодня он добрее? Или сходить сперва на мельницу, попробовать одолжить горсть муки? Она, правда, старый долг

еще не отдала. Вряд ли согласятся...

«Ой, а как там гостя? Наверное, не проснулась еще?» – вспомнив о ней, Мариетта осторожно приоткрыла дверь. Тихо. Не слышно ни звука.

«Точно, спит», – но все же заглянула внутрь. Постель была пуста.

«Уехала, не попрощавшись? – Как-то не по-людски это. Хоть бы слово сказала напоследок». И тут взгляд ее упал на некий предмет, которого до сих пор здесь не было, и которому уж совершенно точно здесь было не место.

Мариетта подошла поближе, не веря собственным глазам и с величайшей осторожностью протягивая руку, словно эта вещь была ядовитой коброй, готовой ужалить. Перед ней на старом залатанном покрывале, сияющий и переливающийся всеми оттенками огненного, лежал рубиновый браслет – в жизни она такой красоты не видала! – рядом с маленьким клочком бумаги. Мариетта была неграмотной, как и большинство женщин, но если бы она знала буквы и умела складывать их в слова, то прочитала бы следующее: «Это подарок. Тебе и твоему ребенку. Бери, Мариетта, и ни о чем не беспокойся. Алиен», – и размашистая подпись внизу.

В замке Королевы Черной Луны с утра царил переполох: хозяйка потеряла перстень.

– Как могли вы, безмозглые, до сих пор скрывать от меня пропажу! – кричала она на слуг. – Вы же знаете, как я поступаю с теми, кто смеет прогневать меня!

– Знаем, госпожа, – трепеща, они склонялись перед ней, все, начиная от бледных фрейлин, одетых в черное, и заканчивая странными, безгласными существами, ни на что не похожими, безобразными по виду и форме.

– Знаем, госпожа. Поэтому и не осмеливались вам сообщить...

– Молчать! Я не спрашиваю вас о том, почему вы до сих пор хранили все в тайне! – каблук из черного обсидиана стукнул о ступеньку трона, – Мне хотелось бы знать, как вы собираетесь искать его!

Полуволчица-полудева осторожно приблизилась к ней, мягко ступая на поросших шерстью ногах:

– Госпожа, быть может, зеркало?..

– Никогда не можете справиться собственными силами, бездари! Всегда я должна вмешиваться! Даже перстень не в состоянии найти! – в гневе глаза королевы сверкали, словно два агата. – Несите волшебное зеркало!

Двое приземистых слуг с уродливыми лицами с трудом

втащили некий громоздкий предмет, прикрытый куском бархата, и установили его перед тронном. Королева сдернула бархат, открыв темное матовое стекло, в глубине которого вспыхивали и гасли маленькие далекие искры.

– Ни на что не способны, – проворчала она и сделала несколько пассив рукой, затянутой в черную перчатку. Затем какое-то время внимательно всматривалась в открывающуюся ей картину.

– Долго же я не вспоминала о нем! Уже успел сменить нескольких владельцев! – она усмехнулась нехорошей улыбкой. – Сейчас он в сумке у какого-то рыцаря, судя по всему, не очень знатного... У него доспехи из светлого металла, а на щите черные лилии... Хм, мне нравится... У него есть вкус...

Королева взмахом руки подозвала нескольких подданных: – Видите его?... Видите дорогу, по которой он едет?... Перстенек мне нужен к завтрашнему утру. Вы меня поняли?! Тем, что останется, можете закусить.

Она снова топнула ногой:

– Быстрее! Не заставляйте меня повторять дважды!

Ответом ей был топот и шорох множества разбегающихся ног.

Алиен сидела у костра, опираясь спиной о ствол старого дерева. Скай пасся неподалеку. Холодало, вечерняя тьма постепенно окутывала лес, наполненный тишиной и запахом хвои. В душе снова сгущалась тоска. Алиен зябко повела плечами, и усталые мышцы отозвались легкой болью. Ее жизнь – дорога. Так будет всегда, и незачем поддаваться ненужной хандре. Ее жизнь – битва. И эта битва закончится только с ее смертью. Яркая и стремительная, ее судьба была именно такой, как она хотела. Но все же случались такие вот одиноко-пепельные вечера, наполненные воспоминаниями и грустью. С этим ничего нельзя было поделать, и Алиен давно смирилась с их неизбежностью. Они тоже являлись частью ее пути.

Девушка вновь подбросила сучьев в огонь и долго глядела, как они рассыпаются, тлея, кучей золотистых искр. В ее глазах отражалась печаль, серая, словно ранний рассвет в тот час, когда солнце еще не появилось над краем неба. Изящно очерченный подбородок опирался на кисть, казавшуюся обманчиво хрупкой, кисть, которая виртуозно владела мечом и не знала жалости в бою. Постепенно голова ее все тяжеле-ла, мысли становились все спутаннее и хаотичней, и вот уже сон легкой ладонью коснулся ее лба.

Ощущение опасности – самый верный из стражей – выве-

ло ее из состояния оцепенения. Что-то изменилось, что-то вокруг было не так. Рука осторожно потянулась к мечу. Тревозно заржал Скай, словно подтверждая ее предчувствия. Кто-то неслышно, словно тень, подкрадывался в темноте, кто-то, кого она не видела и не могла узнать. И прежде, чем девушка успела понять, что происходит, рука сама нанесла удар, ощутив расходящуюся под лезвием мягкую плоть. Что-то взвизгнуло в темноте, и в следующий момент мохнатая серая масса обрушилась на нее всей тяжестью. Аalien успела направить клинок острием вверх, прежде чем оказалась придавленной к земле, услышала скрип, похожий на хруст хитинового панциря, а потом ее лицо и руки залила горячая липкая влага, похожая на кровь. Огромная туша вздрогнула несколько раз, вжимая ее в песок, и вскоре затихла.

Аalien выбралась из-под чудовищного брюха, навалившегося на нее, вспоминая все известные ей ругательства. Напавшее существо было просто громадным. Отойдя на несколько шагов, девушка при свете догорающего костра смогла, наконец, рассмотреть монстра. Больше всего он напоминал гигантского паука. Отсеченная первым ударом лапа, все еще шевелилась, цепляясь за траву. Жирное брюхо было распорото почти посередине и представляло собой отвратительное зрелище.

Аalien почувствовала приступ тошноты, отвернувшись и пошла искать ручей, чтобы смыть с себя кровь. Она не особо задумывалась над тем, кто и почему напал на нее: в ны-

нешней жизни это было самым ординарным событием, лишь одним сражением из тысячи. Жаль только, что этой ночью ей так и не удалось отдохнуть.

Вскоре девушка услышала журчание ручья неподалеку, и направилась туда. Сон все еще обволакивал ее смутной пеленой, голова была тяжелой, а ноги казались налитыми свинцом. Погрузив пальцы в ледяные струи, Алиен подняла голову: почти бесшумно переступая огромными копытами, к ней приблизился Скай. Умиротворенно фыркнув, он ткнулся мягкой мордой ей в грудь.

– Да. Только ты меня и понимаешь, – произнесла девушка, проводя рукой по бархатной шее.

Жеребец встряхнул гривой и вопросительно насторожил острые уши.

– Ты замечательный.

И лошадиная морда вновь доверчиво легла на ее плечо.

Их одежда изрядно поистрепалась, а оружие покрылось рыжими пятнами ржавчины. Карманы давно были пусты, как и желудки. Оба – бывшие наемники – оставшись без работы, скитались уже вторую неделю в поисках наживы, но судьба, похоже, отвернулась от них. Совсем неожиданно на их дороге оказался одинокий путник, и они не долго мучались угрозыми совести, прежде чем завладеть его жизнью и большой тяжелой сумкой, содержимое которой заняло все их внимание. И пока один из них старательно вытряхивал ее, второй решил проверить карманы убитого. На секунду подняв голову, он увидал вдруг приближающегося к ним всадника.

– Эй, к нам гости! – окликнул он товарища.

– Что за гости? – пробурчал тот, не желая отрываться от своего занятия.

– Какой-то рыцарь.

– Рыцарь? Какой у него герб? Не из наших, случайно?

– Черные лилии на белом фоне.

Реакция наемника была мгновенной и неожиданной:

– Черт! Это же Алиен, поборник справедливости! Сматываемся немедленно!

Он отшвырнул сумку и бросился бежать. Его товарищ, еще ничего не понимая, поспешил вслед.

– Алиен? Кто это?

– Не задавай вопросов!.. Это настоящий дьявол! Это – смерть...

– Да, это – смерть! – прозвучал голос, высокий и чистый, позади них, —

– Не хотите повернуться и взглянуть ей в лицо?

– Беги, беги! – прохрипел первый наемник, обращаясь к приятелю,

– Беги, сколько есть сил! – и тут же упал, со стрелой торчащей между лопаток.

Второй остановился, пораженный ужасом и не в состоянии даже двинуться, чувствуя, как ноги становятся ватными, а по спине стекает холодный ручеек.

Всадник застыл прямо перед ним, глядя на него сквозь прорези забрала.

– Ну, что, только и хватает мужества, чтобы убивать безоружных? Со мной не хочешь сразиться, трусливый наемник?

И такая ледяная ненависть была в этом голосе, что даже руки отказывались повиноваться. Наемник отшвырнул ставший бесполезным меч и встал на колени:

– Кто бы ты ни был, пощади!

Рыцарь засмеялся и сорвал с головы шлем. Волна пшеничных волос рассыпалась по плечам.

– О, Боже милосердный! Смилуйся, госпожа! – наемник упал в пыль, прямо под ноги черному жеребцу.

– Он тоже просил вас о пощаде – тот, кого вы убили? – голос был холоден, как острое клинка, —

– Мне нет смысла больше говорить с тобой. Прощай. И помни Алиен!

– О, благодарю, госпожа, благодарю! – воскликнул наемник, но тут же вскрикнул пронзительно, когда она обернулась и одним движением отсекла его правую руку у самого плеча.

– Больше ты не сможешь причинять зло другим. Не забывай обо мне, – и, развернув коня, она поехала прочь от корчившегося в пыли человека, который повторял сквозь сжатые зубы, словно заклинание:

– Да, да, я не забуду. Никогда не забуду...

Въехав под полог леса, Алиен ощутила мгновенное головокружение и пустоту где-то в области сердца. Она знала, вступая на этот путь, что будет нелегко, и не ждала иного. Но в этот раз почему-то проявила слабость, и не смогла пойти до конца, не смогла убить. Кажется, она совершила ошибку, пощадив его. Вряд ли кто-то когда-либо пощадит ее саму, а ненависть, посеянная в сердце, дает жестокие всходы – зря она оставила ему жизнь. Наверное, всему виной усталость, бесконечные битвы, нападения неизвестных существ, участвовавшие в последние дни, – словно весь мир ополчился на нее, мир, который она мечтала избавить от зла...

Дорога вновь вывела ее в зеленеющие поля, колышущиеся колосьями. Солнце безмятежно светило в пронзительно-си-

нем небе, и над ней на большой высоте кружил одинокий ястреб.

Алиен вздохнула глубоко и тронула коня, поднимая его в рысь.

Королева Черной Луны была просто вне себя. Казалось, ярость ее испепелит все в округе. Но в конце-концов, гнев тоже имеет свои пределы, сменяясь усталостью. Лицо Королевы, все это время пылавшее пурпурными пятнами, сегодня было бледным до зелени. Она чувствовала себя отвратительно. С самого утра две верные фрейлины подносили ей лекарства, исполняли все ее прихоти и капризы и не отходили ни на шаг, готовые развлекать играми и разговорами.

– Все оказалось не так просто, – рассуждала Черная Королева словно сама с собой, но на самом деле обращаясь к тысячам ушей, слушающих ее во всех уголках замка. – Вроде, с виду он казался обычным рыцарем. Я не заметила возле него ни одного магического предмета, охраняющего его, и сам он мало похож на чародея. Так почему же ему удалось погубить уже столько моих верных слуг? А перстень, мой любимый перстень так и остался при нем?.. Во всем этом, определенно, есть какая-то тайна. И если до сих пор мне не хотелось тратить на него дополнительные усилия – все это не казалось мне достаточно серьезным – то теперь, я вижу, настало время более решительных действий. Надо будет взглянуть на него поближе!

– Да, ваше величество, вы совершенно правы, как всегда, – одна из фрейлин поднесла Королеве бокал, наполнен-

ный чем-то темным. – Вам следует подкрепить силы.

– Спасибо, – впервые за эти дни Королева выглядела спокойной и задумчивой. Но это спокойствие, как уже все знали по опыту, не сулило ничего хорошего и было куда опасней самого страшного гнева. Оно напоминало затишье перед бурей.

Въехав в городские ворота, рыцарь в светлых доспехах, с черными лилиями на щите, направился в сторону рыночной площади, по дороге о чем-то расспрашивая прохожих. Он долго плутал по извилистым узким улочкам, грязным и темным, пока не подъехал, наконец, к воротам из мореного дуба, на которых красовался искусно изображенный грифон.

– Скажите, здесь проживает леди Катарина де Лиу? – поинтересовался он у привратника.

– Здесь. А что вам за дело до нее, сударь?

– Это дело глубоко личное, и вряд ли она была бы благодарна, если бы я стал обсуждать его со слугами, – тон был довольно высокомерным, но он оказал должное действие: привратник тут же скрылся со словами: «Будьте любезны обождать, сударь».

Вскоре он появился вновь, приглашая рыцаря следовать за собой. Пройдя широкий мощеный двор, оба оказались в небольшом садике с изящной беседкой, в которой их ожидала молодая девушка весьма привлекательной наружности: с живым взглядом озорных темных глаз, черными, как ночь, волосами, опускающимися ниже пояса, изящная и утонченная, с манерами, выдающими в ней настоящую даму из высшего общества.

– Вас зовут Катарина де Лиу? – поинтересовался рыцарь.

– Вы, наверняка, либо прибыли из далеких краев, и поэтому не имеете понятия о здешнем этикете, либо, действительно, не слишком хорошо им владеете. Вам следовало первым назвать свое имя, – красавица была остра на язык. – Я – действительно, Катарина де Лиу. А вы кто? И с какой целью сюда пожаловали?

– Прошу прощения за столь несовершенное «владение этикетом», как вы изволили выразиться. В данных обстоятельствах, я полагаю, он не слишком важен, так как я прибыл к вам, как посланник, с миссией не очень веселой. И имя мое вряд ли вам что-то скажет. А вообще, меня зовут Алиен.

– Что же, очень приятно. Алиен – и все?

– И все, – произнес рыцарь, внимательно разглядывая девушку и сиюсь увидеть хотя бы черточку печали или беспокойства в ее лице – нет, она вся так и лучилась безмятежностью и весельем. Похоже, никакие тревожные мысли не волновали ее душу.

– Ну, что же, хотите остаться таинственным незнакомцем, – оставайтесь. Но расскажите, наконец, что за важное послание вы привезли.

– Дело очень личное и касается одного человека. Нам бы лучше говорить без свидетелей.

Катарина выразительно взглянула на привратника, который все еще стоял рядом. Тот проворчал что-то неодобрительное, косясь на меч, висящий у рыцаря на поясе, но повиновался.

– Итак? – лицо Катаринины выражало нетерпение. – Кто же послал вас?

– К сожалению, он не успел назвать свое имя. Произнес только ваше. Но, может, вы поймете, о ком речь, когда я покажу вам это, – рыцарь извлек из бокового кармана дорожной сумки перстень и протянул ей.

По лицу девушки пробежала мгновенная тень.

– Да, конечно, я помню его... Но это все в прошлом. С тех пор, как он совершил безумство, перейдя на сторону врага, никто не знает, почему, – да это его дело! – ни для меня, ни для моей семьи он больше не существует. Он – человек, лишенный чести!

– Но, вероятно, для столь серьезного поступка были не менее серьезные причины? – Алиен внимательно смотрела на девушку.

– Меня они не интересуют! Почему вы защищаете его? Я не желаю слышать о нем больше ни единого слова! Кроме того, у меня есть нареченный...

– Рад за вас. Но вы, действительно, больше не услышите ничего об этом человеке. Он мертв.

– Да?... – Катарина тут же утратила весь боевой пыл, и словно стыдясь своих резких слов, склонила голову. – Мне жаль... Но, может, так даже лучше?... Ведь утрата чести значит гораздо больше, чем смерть.

– Катарина! Вы не понимаете? – Этот человек любил вас! «Долг», «честь», «предательство» – это все пустые слова,

по сравнению с подлинным чувством. Он любил вас, кем бы он ни был, кем бы ни были вы, на одной стороне или по разные стороны – это все не имеет значения! Последние слова его были о вас, умирая, он произносил ваше имя. Он просил вам передать этот перстень – и это все, что от него осталось. Вы хоть это в состоянии осознать?

Пораженная внезапным пылом рыцаря, Катарина молчала, долго не находя слов.

– Простите, если я не оправдала ваших ожиданий, – наконец, произнесла она, – но поймите и меня также. Я не люблю его. Я едва ли любила его раньше. Вы говорите, что перстень – это единственное, что от него осталось, но это даже не фамильный его перстень, не помню, когда и откуда он у него появился. Вы проделали ради меня долгий путь. И я очень сожалею, правда. Сожалею, что так получилось.

– Так вы не возьмете перстень? – даже через перчатку Алиен чувствовала, как он обжигает ладонь.

– Нет, не возьму. Оставьте его себе. Прощайте, – и Катарина подозвала слугу.

В молчании Алиен покидала город. Все происшедшее служило только еще одним подтверждением того, что когда-то она приняла правильное решение, вступив на свой одинокий путь: любовь являлась лишь заблуждением, хрупким миражом, лишь мимолетным помрачением рассудка, за которое приходилось расплачиваться годами боли и бес-

просветности; любви не существовало никогда. Глядя на целующиеся тайком счастливые пары, она говорила себе: «И это обман, и это наваждение. Может, не далее, как завтра, он поймет, что в сердце его все такая же пустота, а она в тоске бросится в глубокий омут, не в силах совладать с чудовищной тоской и всепоглощающим чувством одиночества». Любви не было места на этой земле.

Позже, купаясь в темной воде лесного озера, скрытого в густой чаще, девушка пыталась вместе с пылью и усталостью смыть горький осадок с души. Холодные струи глубинных ключей внезапно обжигали кожу, а затем вновь бархатная блаженная теплота охватывала тело. Алиен плыла долго, наслаждаясь покоем летней воды, стараясь раствориться в ней, не думать, забыть. И ей это почти удалось.

Прибрежные лилии, расступаясь, давали ей дорогу, когда она выходила на берег, легкой, чистой, освобожденной. Скай приветственно поднял голову ей навстречу.

Без доспехов и одежды Алиен чувствовала себя слегка беззащитной и даже немного хрупкой – как тогда...

Она накинула на себя нижнюю льняную рубашку и склонилась над озерной гладью, как над зеркалом, отжимая рукой длинные мокрые волосы. В какой-то миг вода, бывшая и так темной, почернела еще больше, и Алиен, с дрогнувшим сердцем, вместо своего отражения вдруг увидела совсем другое лицо: бледное, с темными провалами глаз, тонкими злыми губами и искристо-черным ореолом волос. Это

чужое лицо внимательно и, казалось, с некоторым удивлением вглядывалось в нее, а потом вдруг усмехнулось такой отворачивательной, плотоядной улыбкой, что Алиен, давно забывшая само упоминание о страхе, внезапно ощутила пробежавший по спине холодок и инстинктивно отпрянула от воды.

Все снова стало, как прежде. Озеро тихо плескало в берега. Деревья перешептывались, щебетали птицы. Казалось, и не было этого набежавшего, словно в нереальном сне, темного электрического облака, заставившего зазвенеть нервы, словно натянутые струны, и на миг заледенившего все чувства.

Алиен, пытаясь усмирить скачущее в бешеном ритме сердце, спрашивала саму себя, что за наваждение только что овладело ей. Может, она видела сон наяву?

– Кто бы мог подумать! – восклицала между тем Королева Черной Луны, сидя перед магическим зеркалом. – Рыцарь – и не рыцарь-то вовсе, а девушка! Вот почему все наши попытки до сих пор терпели крах! Ведь это совсем не то, что сражаться с мужчиной. В каждой женщине заключена частичка колдовства, каждая из них – немного ведьма, хотя и не каждая знает об этом...

Собравшиеся вокруг слуги – странные и страшные существа – согласно кивали, слушая ее рассуждения.

– Все это очень интригующе, и напоминает мне одну старую историю, когда... Ну, ладно, не будем отвлекаться на прошлое, – Королева задумчиво щелкнула пальцами, подзывая одну из фрейлин с бокалом вина. – Я думаю, следует какое-то время понаблюдать за ней. А дальше решим, что делать. Здесь далеко не все так просто, и кажется, причина не только в ее женской природе... Моя интуиция еще ни разу меня не подводила.

Капелька красного вина, словно кровь, стекла с краешка ее губ. Королева слизнула ее и задумчиво закрыла глаза.

– Эй, красавица, не хочешь поговорить?! – голос, окликнувший ее, заставил вздрогнуть и вскочить на ноги. Произшедшее недавно полностью поглотило ее мысли, и она вновь утратила бдительность. И вот сейчас стояла, беззащитная, в одной тонкой льняной рубашке, облегающей мокрое тело, перед двумя приближающимися мужчинами, мысли и намерения которых отражались в их ярко блестящих глазах и были ясны без слов.

Алиен хорошо помнила, что меч вместе с доспехами лежал далеко в стороне, вне пределов досягаемости. У нее в руках не было ничего, и те двое прекрасно это знали.

– Убирайтесь, – процедила она сквозь зубы.

Ответом ей был хохот:

– А не то – что? Ты исцарапаешь нас своими коготками? Будь ласковой с нами, кошечка, и мы не заставим тебя пожалеть об этом.

Девушка сжалась, словно пружина:

– Я предупредила вас!

Мужчина, который находился ближе, высокий и смуглый, с черными волосами, остановился с наглой усмешкой на красивом лице; ему начинала нравиться эта игра:

– И что ты нам сделаешь? Заколдуешь? Я не боюсь ведьм. Ты – ведьма? Как тебя зовут?

– Меня зовут Алиен. А ты – умрешь!

Мужчина громко захохотал:

– Ну, здесь уже чувствуется явный перебор! Сочиняя, надо тоже знать меру. Алиен – рыцарь, я наслышан о нем. Но ты на него мало похожа. И он вряд ли явится сюда, чтобы спасти тебя, маленькая лгунья. А я собираюсь тебя проучить! – и с этими словами он толкнул девушку в высокую траву.

Но как ни силен он был, однако вскоре его более ловкая противница оказалась наверху, ударив его коленом в пах и заставив скорчиться от боли. Его товарищ, рыжеволосый великан, наблюдая за потасовкой, весело ухмылялся, стоя чуть в стороне. Но ухмылка разом сползла с его лица, когда Алиен, сидя на груди у мужчины, схватила того за волосы и одним резким движением сломала ему шейные позвонки.

– Ах ты, шлюха! – воскликнул рыжеволосый и кинулся к ней.

Но Алиен уже выхватила кинжал из-за пояса убитого и стояла, чуть пригнувшись, в ожидании нападения. От первого удара меча, направленного в голову, она увернулась, наклонившись. Второй чуть задел плечо, из которого сразу же заструилась кровь, но и девушка не осталась в долгу: окказавшись вплотную к противнику, одним коротким взмахом вонзила кинжал по самую рукоятку ему в живот. Мужчина рухнул на колени; она выдернула лезвие и ударила вновь. Ее противник со стоном завалился в траву, зажимая раны рука-

ми.

– Все, – произнесла Алиен тихо, —

– Кончено.

Немного пошатываясь, она отошла в сторону, затем, оторвав полоску от своей льняной рубашки, кое-как перебинтовала сильно кровоточащее плечо и подозвала Ская.

Высоко в небе раздался крик ястреба. Она подняла голову и едва различила маленькую черную точку почти под облаками.

Небольшая бревенчатая избушка была так надежно укрыта в густом ельнике, что если бы не огонек, мерцающий сквозь ночную тьму, Алиен ни за что не обнаружила бы ее. На ее настойчивый стук дверь отворилась, и на пороге возникла пожилая женщина, одетая в подобие белой накидки. Секунд тридцать внимательно вглядываясь в лицо гостьи, она отошла в сторону и с приветливой улыбкой произнесла:

– Входи.

– Здравствуйте, Госпожа Леса – ведь вас так зовут? – Алиен поклонилась, переступив порог.

– Ты не ошиблась. Хотя мало кому удастся отыскать дорогу сюда. Видимо, на то была серьезная причина, чтобы ты оказалась здесь.

– Сказать по правде, я немного заплутала. Но тропинка сама вывела меня к вашему дому. И теперь я своими глазами увидела, что слышанное мной о Хозяйке – не просто легенда. Вы разрешите остановиться у вас на ночлег?

– Оставайся, конечно, – Госпожа Леса кивнула. – Ты устала и, кажется, ранена?

– Пустяки, – произнесла Алиен, – так, небольшая царапина. Но я, действительно, очень устала.

Девушка удобно расположилась в предложенном ей глубоком кресле и утомленно прикрыла глаза.

– Алиен, – голос Хозяйки был молод и звенел, словно лесной ручей, —

– Да? – полусонно отозвалась девушка.

– Эта рана – пустяк. Я исцелю ее одним прикосновением. Но будут и другие.

– О, это меня не пугает! Серьезней, чем раны, уже полученные мной, не будет, – Алиен горько усмехнулась. – Что значит самая сильная физическая боль, по сравнению с болью душевной?!

Госпожа Леса все так же внимательно смотрела на нее.

– Тогда послушай хотя бы один мой совет. У тебя на пальце – перстень... Да, именно этот, из темного золота. Избавься от него как можно скорее. И может, все еще обойдется...

– Он достался мне от одного несчастного рыцаря, на память о не менее несчастной любви, – Алиен снова усмехнулась. Усмешка вышла грустной. – Так мало осталось того, о чем еще можно помнить. Пусть он побудет пока у меня.

Хозяйка печально кивнула головой:

– Ты упряма и самоуверенна, совсем как мужчина. И тем не менее, ты – женщина, Алиен, чье сердце, как у всех женщин, создано для любви и прощенья, не для войны, пускай ты и стараешься доказать обратное, пускай ты уже многое доказала, пройдя далеко по этому нелегкому пути, избранному тобой, пути Воина. Ну, что же, я желаю тебе обрести себя, понять себя, настоящую. Ведь только тебе самой дано постигнуть собственное предназначенье.

– Благодарю, Госпожа.

На какое-то время воцарилась мягкая тишина.

– И все-таки, избавься от перстня. Он способен принести несчастье.

– Хорошо, Госпожа, – пробормотала Алиен, уже проваливаясь в глубокий сон.

В самой гуще битвы они сражались плечом к плечу: Алиен и еще пятеро отважных, с которыми свела ее дорожная судьба. Вот этот, совсем юный, почти мальчик, с лицом паж, носил имя Герт и был вспыльчив, как пламя и страшно заносчив. Айвен, его старший брат, с длинными до плеч русыми волосами, напротив, был очень спокойным, взвешенным, но, тем не менее, быстрым и ловким в бою. Бертран, поэт и романтик, чьи песни услаждали их слух по вечерам, Самюэль и Эдвард – все они были отличные воины, надежные и верные товарищи, которым вполне можно было доверить жизнь.

Клинок в ее руке ходил легко и весело. Вся в пылу боя, она не чувствовала усталости, раздавая удары направо и налево, и конь под ней плясал, высоко поднимая передние ноги. С громким смехом она опустила меч на голову последнего оставшегося перед ней противника, и Скай тут же встал на дыбы, будто разделяя триумф победы с ней вместе.

Словно сквозь сияющий туман, в упоенье, Алиен различила устремленный на нее восхищенный взгляд Бертрана.

– Валькирия! – воскликнул он, но ослепительная улыбка тотчас же сползла с ее лица, враз ставшего серьезным.

– Мы же договорились, – с упреком произнесла она, – мы все здесь на равных. Для вас я – не женщина, а такой же

рыцарь, как все. Кажется, с самого начала это было решено между нами во избежание недоразумений, и мне не хотелось бы вновь об этом напоминать.

– Извини, Алиен. Всему виной моя непростительная забывчивость и... но ты приказала не говорить об этом, – рыцарь склонил голову.

– Ты ведь понимаешь: иначе я не смогу больше здесь оставаться. Мне придется уйти, – рука девушки жестко натянула повод, не позволяя разыгравшемуся жеребцу перейти в галоп.

Мимо с серьезной миной проехал Айвен.

– Стыдись, Бертран, – многозначительно изрек он, вкладывая обагренный кровью меч в серебряные ножны.

Бертран обернулся и шутливо погрозил ему кулаком.

Алиен, как ни старалась сохранить серьезность, все же не удержалась от улыбки, став свидетелем этой пантомимы. Впервые за столь долгое время она не ощущала себя одинокой. Ей казалось, она обрела, наконец, надежных товарищей, с которыми может разделить свой путь. С ними было просто, легко и весело: легко в бою, легко в дороге, даже по вечерам у костра ее не терзали больше тревожные мысли и горькие воспоминания, ставшие, как она привыкла уже считать, ее неотъемлемой частью. Ведь она была такой же, или почти такой же, как и ее спутники – неустрашимой в битве, отчаянной и... слегка сумасшедшей.

Алиен не сразу решилась открыть им свое лицо. Сперва

ее приняли, как мужчину. И лишь спустя некоторое время, убедившись, что может доверять им, девушка рассказала, наконец, о себе – не все, конечно, лишь ту необходимую часть своей жизни, о которой она могла говорить открыто.

Реакция рыцарей была неоднозначной. Между ними даже разгорелся спор. Но ведь, в конце-концов, – они видели ее в бою и понимали, что равных ей не много найдется даже среди мужчин. А кроме того... кажется, они уже успели привыкнуть к ней за те дни, пока она не поднимала перед ними забрала и хранила непроницаемую таинственность.

Так или иначе, но они решили продолжить путь вместе до соединения с большой армией на западе. И пока все шло гладко. Или почти все...

Королева Черной Луны сидела, закинув ногу за ногу, рядом с Великим Магом Ичкеном, своим бывшим возлюбленным. Тот с сомнением качал головой, продолжая начатый разговор:

– Ты хочешь сказать, что в той решающей битве (в исходе которой ты не сомневаешься) главным козырем может послужить одна-единственная девушка, да к тому же, смертная? Насколько я понял, она обладает некоей силой, пока и самой ей неизвестной? Но ведь, насколько я смог понять из твоих слов, и ее предпочтения явно на стороне света, а не тьмы.

– Ха-ха! Готова с тобой поспорить, Ичкен, ты всегда плохо разбирался в людях. Грань между светом и тьмой так тонка: один шаг – и ты уже на другой стороне. Силы и жестокости ей не занимать – из нее получился бы отличный служитель мрака. Капелька хитрости, небольшие поправки – и... да, она *думает*, что она на стороне света. Но так ли это на самом деле? Возможно, ей придется убедиться в обратном, и очень скоро. Не желаешь пари?

– Только не с тобой, коварнейшая. Каков бы ни был исход, ты всегда умудряешься остаться в выигрыше. Так что я – пас. Довольная улыбка заиграла на лице Королевы:

– Узнаю твою осторожность, Ичкен. Но – вот увидишь –

это будет увлекательнейшая игра. Это новое лицо – эта девушка – внесет недостающую остроту, и именно ее участие даст нам необходимый перевес в решающий момент. Жаль, ты еще не видел ее. Кажется, у нее есть все необходимое для наших целей. Да, она считает, что борется со злом. Но в этой борьбе она абсолютно беспощадна, как и мы, она не знает жалости. Пару ловких ходов – и она наша!

Великий Маг усмехнулся:

– Надеюсь, ты не ошибаешься, Королева. Желаю удачи нам обоим.

– Я никогда не ошибаюсь, – она протянула ему руку для поцелуя, давая понять, что аудиенция закончена.

Огромный звездный купол раскинулся над ними, поражая своей беспредельностью и глубиной. Чернота ночного неба казалась бархатом, усеянным бриллиантами и навевала мысли о вечности, на краю которой замирало воображение, не осмеливаясь двинуться дальше.

Алиен лежала на земле, закинув руки за голову и следя за хороводами созвездий. Был ее час ночного дежурства. Она несла его наравне с остальными, на чем когда-то ей пришлось настоять, отказавшись от любых послаблений. Да, ее спутники были хорошими товарищами, но довольно часто Алиен замечала, что ей пытаются оставлять более легкую работу и идут на уступки, которые не позволяли себе по отношению друг к другу. Ее это несколько печалило, ведь она считала себя равной по положению и не желала никаких привилегий.

Неподалеку слышался плеск ручья, фыркание пасущихся лошадей. И неожиданно под этим исполненным сказочного величия небом девушка ощутила острый приступ одиночества, о котором, как ей казалось, она уже давно позабыла. Но нет – тоска была здесь, с ней, всегда, лишь затаившись на время и ожидая такого вот полного тишины часа, когда человек остается наедине с самим собой, когда некому подойти и взять за руку, окликнуть, просто посидеть рядом, ко-

гда некому защитить от мыслей, жестоких и хищных, словно голодные волки, догнавшие, наконец, свою жертву и впившиеся зубами прямо в горло...

Теперь небосвод казался ей отвесным колодцем, таким бездонным, что при взгляде в него кружилась голова. И она стояла над ним, растерянная, полная тоски и страха, и где-то там, в глубине, видела себя прежнюю, себя, от которой уже ничего не осталось, кроме зыбких воспоминаний и того, все того же самого жестокого чувства, пронзавшего сердце острее каленой иглы. И слезы градом текли из ее распахнутых глаз.

Одетая в тонкое белое платье с лазурным шитьем, Беатрис де Шеридан сбегала по мраморной лестнице, похожая на бабочку в своей непосредственной, беззаботной легкости. Ее улыбка была свежа, словно лепестки утренних роз, а глаза хранили то самое загадочное сиянье, которое придает спрятанная в глубине сердца терпко-сладкая тайна.

Вчера... Это произошло вчера...

Она встретила с ним под темной зеленою старых каштанов. Он смотрел на нее взглядом, полным искреннего восхищения, и каких-то нежных мыслей, и чего-то еще, неведомого ей... Она помнила его темные глаза, его изящные руки, несмело прикоснувшиеся к ней... А потом он поцеловал ее...

И воспоминание о его губах заставило ее петть и мчаться через сад, словно птица, раскинув руки навстречу ветру. И смех, радостный смех, едва сдерживаемый, рассыпался внутри тысячами светлых жемчужинок, вспыхивал искрами, играл, словно шампанское в бокале.

Ведь ей было всего-навсего шестнадцать, и светило солнце, и вчера... вчера он говорил ей о своей любви...

– Беатрис, ты уже не маленькая, – строго говорил отец плачущей дочери, —

– Прекрати эти капризы. Ты знаешь, на меня они не производят никакого впечатления. Если я так решил, значит, так будет. Граф де Байон – очень выгодная партия. И незачем откладывать.

– Но папа, он стар! Ему уже тридцать пять лет!.. И я не люблю его!

– Любишь – не любишь! – Что за детские выдумки! У него приличное состояние, он достойный человек, завидная партия для девушки твоего положения. И ты выйдешь за него, потому что такова моя воля.

– Нет! Ни за что! Я лучше умру! – и она вылетела из комнаты, хлопнув дверью, чтобы тремя часами спустя под знакомыми каштанами встретиться с тем, кому навеки было отдано пылающее сердце.

Он осторожно гладил ее светлые волосы и тихонько шептал слова утешения, но Беатрис их не слышала.

– Ральф, – говорила она ему сквозь рыдания, – послушай, Ральф, давай убежим. Давай бросим все и исчезнем вместе, и нас никто никогда не найдет. Мир большой – нам хватит места, чтобы укрыться от тех, кто желает разлучить нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.